

М.В. ГАЛКИНА

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ АРХИТЕКТУРНЫЕ ПРОЕКТЫ 1920-Х: ЗНАЧЕНИЕ ИДЕЙ КОНСТРУКТИВИЗМА

Марина Владимировна Галкина,

Московский государственный областной университет,
кафедра народных и художественных ремесел,
заведующая

Веры Волошиной ул., д. 24, Мытищи,
Московская область, 141021, Россия

доктор педагогических наук, профессор,
почетный член Российской академии художеств
ORCID 0000-0001-6073-1399; SPIN 3712-4512;
E-mail: galkina.marina@gmail.com

Реферат. Статья посвящена одной из интереснейших тем — идейному наследию конструктивизма и оценке его значения. Новизну исследования определяет выбор его предмета: нереализованные проекты советских архитекторов 1920-х гг. (И.И. Леонидова, К.С. Мельникова, В.А. Веснина, А.А. Веснина, Л.А. Веснина и Н.А. Ладовского) как источник перспективных для архитектуры и дизайнерской мысли конца XX — начала XXI в. идей. Цель работы — оценить творческое и художественное значение нереализованных проектов советских конструктивистов для современного архитектурного дизайна. Основным результатом является попытка представить историко-концептуальный обзор возникновения и особенностей конструктивизма и рационализма как течений в градостроительстве. Период 1920-х гг., когда формировались принципы и направления в кон-

структивистской архитектуре, стал временем разработки новой производственно-архитектурной модели. Сочетание рационалистического подхода с утопическим функционалом большинства этих проектов послужило причиной отказа от подлинно конструктивистского направления в советской архитектуре в пользу «сталинского ампира», а позднее — деконструктивизма. Проблематика конструктивистских решений 1920-х гг. в сфере градостроительства и природообустройства во многом определила методологию организации архитектурного пространства городов СССР в 1930-х гг., когда приоритетом стал эталон «промышленно ориентированного» социалистического общества. Автор рассматривает теоретические исследования, научные публикации о творчестве советских архитекторов-конструктивистов, приводит примеры явной трансляции принципов конструктивизма в архитектуре XXI в. и делает предположение о взаимосвязи между идейным наследием советских конструктивистов и художественно-творческим процессом современных архитекторов и дизайнеров (основателей стиля хай-тек Р. Пиано, Н. Фостера; деконструктивистов Ф. Гери, З. Хадид, Д. Либескинда).

Делается вывод о том, что конструктивистские образы и стилистика анализируемого периода, хотя и не транслируются современными дизайнерами и архитекторами «напрямую», но становятся основой для воплощения новых концептуальных решений.

Ключевые слова: архитектурные проекты, советские конструктивисты, течения, авангард, конструктивизм, деконструктивизм, рационализм, модернизм, архитектура, дизайн, проектирование, реконструкция.

Для цитирования: Галкина М.В. Нереализованные архитектурные проекты 1920-х: значение идей конструктивизма // Обсерватория культуры. 2019. Т. 16, № 1. С. 50–61. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-50-61.

Одновременное и перманентное складывание как теории, так и практики архитектуры стало своеобразием периода 1920–1930-х годов. В условиях формирования нового (социалистического, коммунистического) общества в СССР в это время произошел мгновенный по историческим меркам переход к «новому искусству». Цель данного исследования — оценить творческое и художественное значение нереализованных проектов советских конструктивистов для современного архитектурного дизайна. Как отмечает В. Немцова, «в советской архитектуре и искусстве соперничают и взаимодействуют друг с другом два основных течения: авангард и конструктивизм. Качественное изменение советской архитектуры и искусства в этот период отмечается ростом профессионального интереса со стороны зарубежных архитекторов» [1]. Многие из проектов И.И. Леонидова, К. Мельникова, братьев Весниных, Н.А. Ладовского остались нереализованными. Тем не менее, оценивая их наследие в рамках мировой архитектурной практики, можно говорить о росте проектного искусства на базе отсутствия канонического стилового предпочтения.

ПРОТИВОСТОЯНИЕ В НОВОМ ИСКУССТВЕ

Фактически конструктивисты получили карт-бланш на создание нового стиля, не только архитектурного, но и художественного. Его отличало практически полное отрицание стилистики уходящих

эпох, формирование гибких интегрированных процессов градостроительства на базе исторических и неоклассических интервенций, масштабность и противодействие разделению на столичное и провинциальное градостроительство». Идеалом проекта виделся образ механикума (соединение машинерии, чистой эстетики производственного процесса и масштабированного конструктивного плана вида с борта самолета, освобожденного от орнаментации). Так, Леонидов придавал особое значение виду с высоты птичьего полета, например с самолетов. Воздушные суда и дирижабли часто появляются в его рисунках. Конструктивистские архитекторы считали эти самолеты идеальными моделями для новой, функциональной архитектуры [2, р. 81].

Параллельно с формированием в СССР генерального планирования в промышленности, градостроении, гражданской архитектуре шло складывание архитектурных «школ» — центров концептуальных предпочтений, обозначивших актуальные тенденции. Промышленное конструирование расширило свои требования к деятельности представителей искусства: их творчество не могло оставаться незатронутым интеграционными, общественными и политическими процессами. Вероятно поэтому одним из важнейших направлений творчества архитекторов того периода являлось проектирование социально значимых объектов — клубов, рабочих театров и мест массового отдыха, Дворцов Советов и иных административных зданий и учреждений. Эта общая рефлексия профессиональной адаптации подтолкнула некоторых великих конструктивистов заняться проектированием садов и парков [3, р. 22].

Главным аспектом социализации архитектуры и искусства, на наш взгляд, является та позиция, которая определяла изменение социально-этического критерия искусства: не развитие архитектуры под влиянием социального запроса, но наоборот, утверждение нового социалистического искусства как единственно верного и приемлемого. Определенное противостояние новаторских течений рационализма и конструктивизма в конечном счете воплотилось в динамической композиции и принципе соответствия функции и формы в новой парадигме архитектурного мышления.

Рационалисты и конструктивисты по-разному трактовали «композицию» и «конструкцию». Так, авангардисты, которые в конечном итоге возглавили ВХУТЕМАС, такие как Родченко, были гораздо более сосредоточены на строительстве и создании идеологической основы. С другой стороны, подход Кандинского, например, был действительно композиционным — его картины были абстрактными, но являлись скорее красивой композицией формы и цвета, чем отражением идеологической концепции [4, р. 46].

Рационалисты Ассоциации новых архитекторов (АСНОВА)¹ стремились к проектированию, исходя из социальной (общественный характер архитектуры, его связь с коммунистической идеологией) и психофизической (корреляция запросов населения и логистических процессов, связанных с расширением городского пространства) функций архитектуры. При этом их проекты подчинены идее творческого созидания и достижения изобразительной красоты. Конструктивисты Объединения современных архитекторов (ОСА)², напротив, ставили целью преобразование окружающей среды путем разработки новых рациональных типов зданий, продвижения типизации и стандартизации в массовом строительстве. За основу формообразования в их архитектурных проектах принята усредненная модульно-планировочная система. Подчинение внешнего облика внутренней системе опирается на эстетику функционализма, строгость и геоме-

тричность формы, четкость конструктивного решения. Функциональный метод представляет собой развернутую творческую программу конструктивизма. В основу его положен учет требований функционального процесса (взаиморасположение отдельных помещений, график движения и т. д.). «Архитекторы должны выработать новые типы зданий, бороться с эклектикой, внедрять в архитектуру новейшие научно-технические достижения, выявлять эстетические возможности новой архитектуры, бороться за индустриализацию строительства, типизацию, заводское изготовление элементов, за превращение строительства в монтаж стандартных деталей и т. д. В функциональном подходе к проблемам формообразования конструктивисты делали упор не на утилитарной, а на социальной функции сооружения. В то же время сама по себе простота новых архитектурных форм связывалась с их функционально-конструктивной оправданностью, что нередко приводило к упрощению сложной взаимосвязи функционального назначения здания и его объемно-пространственной композиции. С утилитарного как бы снималась эстетическая нагрузка, образная же идея выводилась из социального содержания сооружения» [5, с. 47–48]. Но образ здания, его идея перестали быть частью функции: в проектах больше нельзя было найти прямолинейные виды трактора (здание бани на ул. Ленина в Подлипках Московской области имитирует гусеничный трактор Челябинского тракторного завода) или корабля («Дом-корабль» жилищно-строительного кооперативного товарищества Второго рабочего поселка на проспекте Ленина в Иваново, архитектор Д.Ф. Фридман).

ОПЫТ И ТЕОРИЯ

Многие западные архитекторы воспринимали СССР как «страну архитектурного будущего» [6]. Более того, культурные связи с Советским Союзом были довольно интенсивны, и ряд известных немецких архитекторов, например, Б. Таут, П. Беренс, Х. Пельциг, Э. Май вошли в созданное в 1923 г. в Берлине просоветское общество

¹ Ассоциация новых архитекторов (АСНОВА) — первая творческая организация в советской архитектуре, ставшая оплотом архитекторов-рационалистов. Устав был зарегистрирован в 1923 г., хотя ядро АСНОВА сложилось ранее: в 1921 г. была сформирована рабочая группа, в состав которой вошли архитекторы Н.А. Ладовский, Н.В. Докучаев, В.Ф. Кринский и др., а также художники А.М. Родченко, А.Л. Королев. Первый и единственный номер «Известий АСНОВА» вышел в 1926 году.

² Объединение современных архитекторов (ОСА) — общественная организация конструктивистов, сплотившихся в 1925 г. вокруг А.А. Веснина и отстаивавших функциональный метод как основной творческий принцип. Ее участники: М.Я. Гинзбург, В.А. Веснин, А.Я. Корнфельд, В.М. Владимиров и другие архитекторы. ОСА официально оформлена в 1926 г., действовала в Москве, прекратила существование в 1932 г. в связи с организацией Союза советских архитекторов. Печатным органом ОСА являлся журнал «Современная архитектура» (1926–1930).

«Друзья новой России». Б. Таут несколько раз, начиная с 1926 г., приезжал в СССР и опубликовал много статей о советской архитектуре в журнале общества, в котором печатались наряду со статьями А. Луначарского работы М. Гинзбурга, Э. Мая, В. Гропиуса и других архитекторов. Фактически конструктивизм вышел на передовые позиции в социалистической архитектуре именно благодаря ясности позиции и внедрению научно-технических достижений, передовых индустриальных методов, а также благодаря типизации и стандартизации строительства.

В условиях начала индустриализации и разработки генерального планирования государственное внимание в сфере массового строительства акцентировалось на практичности и реалистичности прогностических факторов, не зависящих от поиска индивидуальности в проектировании. Первый Всесоюзный съезд советских архитекторов, проходивший 16–26 июня 1937 г., зафиксировал эти черты в текстах выступлений участников. «Годы выполнения двух сталинских пятилеток³ войдут в историю мировой архитектуры как эпоха величайшей стройки. За этот период на необъятных просторах нашей прекрасной Родины выросли новые города — Сталинск, Кировск, Комсомольск, Магнитогорск, Запорожье и другие, новые гигантские промышленные предприятия, прекрасные водные каналы, построено огромное количество жилых домов, в грандиозном масштабе развернуто строительство новых общественных зданий — школ, рабочих клубов, дворцов культуры, театров, кино, больниц, домов отдыха, санаториев, детских садов и яслей, стадионов и т. д.» [7, с. 1]. Оценивая потенциал архитектурного проектирования периода 1920-х гг., сложно не заметить и игнорировать значение государственных институтов в формировании тенденций архитектуры социалистического общества, в котором градостроительство стало одним из показателей успешности всего политического и общественного строя.

Одним из «инструментов» работы архитекторов стало участие в конкурсах на проектиро-

³ Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР был принят и реализован в 1928–1932, второй — в 1933–1937 годах.

вание как отдельных зданий и учреждений, так и масштабных агломераций [8, с. 4]. Так, план застройки участка Симонова монастыря под строительство Дворца культуры Пролетарского района Москвы стал основой конкурса, в котором приняли участие все значимые архитектурные сообщества, коллективы и отдельные авторские проекты. Конкурентные проекты И. Леонидова и Второй бригады ВХУТЕИНА под руководством Н. Докучаева демонстрировали подлинное соревнование в созидании праздничного пространства и преодолении монотонности обыденной жизни. В то же время для многих архитекторов, например для И. Фомина, участие в конструктивистских конкурсах определялось, скорее, «переходным» положением в советской архитектуре — от авангарда к советскому монументальному классицизму. Это ярко проявилось в его работах — от проекта Дома Советов в Брянске (1924) до проекта театра в Ашхабаде (1934). Такое положение дел вызывало раздражение у многих «настоящих конструктивистов». А. Никольский призывал рационально относиться к возможностям социалистического строя в мерах и принципах новой архитектуры, но его проект Дворца Советов уже проигрывал другим именно своей строгостью и аскетизмом, поражая лишь размерами и масштабами. Некоторые проекты, например конкурсный проект здания акционерного общества «Арко» братьев Весниных, становились основой для типизации и воспроизводились полностью или фрагментарно во многих других проектах. Иные же, подобные графическим работам Я. Чернихова или И. Леонидова, остались воплощением нескончаемого потенциала конструктивизма и в наши дни служат источником вдохновения для дизайнеров и архитекторов, возможности которых сегодня позволяют реализовывать намного более масштабные и технологичные замыслы. «Кандинский создал образ абстракционизма... Малевич изобрел алфавит, азбуку и грамматику нового искусства. Его творчество — образец создания стиля, в котором существует жесткое кодирование формы, цвета и композиционного взаимодействия... Леонидов велик как художник, как создатель формы... Мельников лепил образ. Он — тоже художник, но в отличие от рации Леонидова, более эмоционален» [9, с. 34].

НЕРЕАЛИЗОВАННЫЕ ПРОЕКТЫ

Дипломный проект И. Леонидова «Институт библиотекведения имени В.И. Ленина на Ленинских горах в Москве» был блестяще защищен автором в 1927 г. и представлен на Первой выставке современной архитектуры в Москве. Проект сочетал в себе новейшие технологии своего времени и традиционное композиционное решение пропорций, объемов и масс здания. Став одним из наиболее примечательных событий в мировой архитектуре и одновременно одним из символов советского конструктивизма, эта работа послужила источником вдохновения для многих советских и зарубежных архитекторов. Уже в следующем году И. Леонидов представляет проект «клуба нового социального типа», а сочетание приземистых геометрических форм и высоких элементов становится визитной карточкой «стиля Леонидова». Архитектор А.В. Щусев при проектировании памятника Христофору Колумбу, финский архитектор В. Ревелль при проектировании ратуши в Торонто (Канада) и знаменитый О. Нимейер, планируя правительственный центр в Бразилиа (Бразилия), создавали свои пространственные композиции с учетом рациональности применения конструктивных решений, намеченных в проекте И. Леонидова. Заложенные в нем архитектурные новшества: шарнирные опоры монументальных несущих конструкций, учет ветровых и осевых нагрузок на конструкции (с целью включения их в расчет визуального облика здания) — в значительной мере предопределили решения будущих проблем современной многоэтажной архитектуры и строительства.

Яркий и незабываемый художественный образ, продуманная функциональность, сопряженная со смелостью композиционного решения контраста геометрических форм и объемов позволили архитектору усилить многообразие визуального контента в городском пространстве. «Понять, что именно делает здание состоявшимся произведением искусства, ничуть не проще, чем в случае выдающегося живописного полотна или музыкального сочинения. Че-

ловеку присущ врожденный консерватизм: нам спокойнее всего в окружении того, что хорошо знакомо, и повсеместность заурядных зданий делает эту тенденцию в архитектуре еще более заметной, чем в литературе или музыке. Тем не менее время от времени возникает нечто настолько новое и мощное, что ему удается пробить этот барьер и заставить нас взглянуть на мир по-новому. <...> Жизнь редко радикально преобразуется после столкновения с искусством. Тем не менее искусство и вправду меняет нас. Заставляя испытывать восторг, шокируя, раздвигая границы возможного; испытывая эти чувства, мы уже не сможем стать прежними» [10, с. 57].

Одним из символов конструктивистского подхода к решению сложных архитектурных задач, без сомнения, можно назвать проект Московского отделения конторы и редакции газеты «Ленинградская правда» братьев Весниных (1924). Расположенное на участке 6×6 м в центре Москвы (Страстная, ныне Пушкинская площадь) миниатюрное шестизэтажное здание из стекла и железобетона должно было представлять собой функционирующее помещение с вестибюлем, читальным залом и административными отделами. В проекте получили развитие творческие поиски советских художников-конструкторов Г.Г. Клуциса, А.М. Лавинского и А.А. Экстер, связанные с созданием малых архитектурных агитационных форм, конструкций и установок. В современных условиях ограниченности пространства мегаполисов подобные проекты регулярно получают общественное и профессиональное одобрение как отвечающие принципам экономичности, экологичности и наполнения городского пространства оригинальными композициями.

Очень часто в истории архитектуры, как современности, так и более раннего времени, «тренды» в проектировании задают архитекторы-новаторы. «На примере проекта “Дворца Советов” в Москве за авторством Б.М. Иофана можно сказать, что формирование художественной и стилевой направленности в архитектуре 1930-х гг. в Советском Союзе во многом находилось под влиянием Бориса Михайловича Иофана, что прослеживается в способах решения этой сложнейшей творческой задачи в проектах других участников всесоюзного кон-

курса. Этот факт свидетельствует о формировании определенного направления в архитектуре 1930-х гг., которое характеризовалось модернизацией классических мотивов и одновременно классицизацией авангардистских приемов, включением пластических элементов, особым вниманием к образному решению проекта» [11, с. 13–14]. На наш взгляд, в современной архитектуре творчество Р. Пиано, Н. Фостера, Ф. Гери, З. Хадид, Д. Либескинда во многом определяет критерии современного градостроительства и служит опорой и источником творческого поиска начинающих и известных российских и зарубежных архитекторов. Музей фонда Бейелера в Базеле (Швейцария, 1997) является очень важным произведением Р. Пиано, знаменитого создателя Центра Помпиду. Оно, с одной стороны, подтверждает высочайший уровень понимания пропорций и ландшафта автором, а с другой — показывает, как авангардизм в архитектуре может воплотить самые смелые фантазии в сочетании стиля и материалов. Н. Фостер, признаваемый родоначальником стиля хай-тек, как никто другой, понимает, насколько важно уметь вписать в пространство города необычное, запоминающееся сооружение. Почти все его произведения, например штаб-квартира компании Willis Faber and Dumas в Ипсвиче (Великобритания, 1975), становятся достопримечательностями, определяющими современную архитектуру.

Архитекторы-конструктивисты, такие как А. Никольский и И. Фокин, могли лишь предвидеть в своих проектах те возможности современных технологий, которыми Н. Фостер наполняет каждое новое произведение. Применяя в процессе проектирования автоматизированные компьютерные технологии, Ф. Гери создает, на первый взгляд, невозможные объекты. Работая как скульптор, он подчиняет конструкцию форме. Вершина его творчества — Концертный зал им. У. Диснея в Лос-Анджелесе (США, 2003). Проект настолько сильно следовал идеям деконструктивизма о вторжении в городскую среду, что конструкция изгибов здания несколько раз изменялась по требованиям жителей.

Д. Либескинд, противопоставляющий свое творчество конструктивизму в архитектуре, показал, что идеи раннего конструктивизма

1920-х гг. доминируют в современной архитектуре как антиподы классического понимания цельности композиции пространства. Пример этому — современное крыло Королевского музея в Торонто (Канада, 2007).

Отдельно хочется рассмотреть здание пожарной части компании-производителя дизайнерской мебели Virta работы З. Хадид, построенное в 1993 г. в Вальм-ам-Райне (Германия). Этот проект стал знаковым в карьере З. Хадид и фактически определил ее собственный стиль в архитектуре. Как и Д. Либескинд, З. Хадид считалась приверженцем деконструктивизма, но стоит обратить внимание на то, как в ее проекте отразилась конструктивистская сущность — динамика, скорость, инновации в решении пространства; не просто архитектура, но философия движения, восприятие которой требует перемещения взгляда наблюдателя. Возникает ощущение беспокойства из-за кажущегося хаотическим решения стен, перекрытий и стеклянных панелей. Оно продолжается и во внутреннем пространстве, где функционал здания подчинен форме, одновременно создавая иллюзию смещения объема, цвета и элементики. Концептуальное уравнение формы и пространства в работах З. Хадид решает главный вопрос современной архитектуры — связь рукотворного и естественного, здания и ландшафта.

Одним из важнейших элементов городского планирования можно считать перспективность осуществляемых проектов. Хорошо известно, что гражданское многоэтажное строительство в США было в первую очередь связано с насыщенностью городской застройки, определявшейся стоимостью земельных участков. Но инфраструктурное многоэтажное проектирование начиналось с поисков К.С. Мельникова, который еще в 1925 г. представил проекты многоэтажных гаражей таксопарков в Париже, а затем и в Москве. Усовершенствованная идея мостовых конструкций, характерная для европейских городов (Париж, Флоренция) получила развитие, став основой вертикального зонирования города. Идея здания огромных по площади безопорных пространств в сочетании с рациональным заполнением площадей в условиях мегаполиса воплотилась лишь спустя 30 лет, при строи-

тельстве здания «Роли-арена» (США, 1955). Привычные нам гаражные комплексы, включающие в себя различные объекты инфраструктуры, стали такой же обязательной частью градостроительства, как и подземные автостоянки, только в современном городском планировании. «Когда уже все сказано и сделано, деконструкция в архитектуре (после длительного перерыва) становится просто продолжением конструктивистского движения 1920-х, образцами которого служат московский Дом культуры им. Русакова, построенный К. Мельниковым по заказу Союза коммунальников, и памятник Третьему Интернационалу по проекту В. Татлина. Послереволюционный российский авангард объединил радикальную политику с архитектурой ломаных форм» [12, с. 144]

Развитие городских пространств с учетом ландшафтных, исторических и других ограничений подчас предполагает отказ проектировщика от масштабных проектов, ограничиваясь перестройкой — «реновацией» или даже многократным реформатированием городских пространств. Однако еще в 1927 г. Н. Ладовский предложил оригинальную схему развития обширных городских пространств. «Парабола» Ладовского предполагала сохранение центра Москвы в виде планировочного ядра, а одно из разомкнутых магистральных колец и уход от жесткой кольцевой схемы градостроительства определяли динамичное развитие планировки города и, в перспективе, смыкание Москвы и Ленинграда. «Парабола» стала вновь известна широкой общественности только в конце 1960-х гг., когда впервые по-настоящему остро встала проблема раскрытия городского пространства.

Примером экспериментальной отработки теории Н. Ладовского о связи художественно-пространственной композиции поселка и его последовательного функционального восприятия стал проект промышленного поселка Костино (опубликован в 1929 г.). Он не был осуществлен, но идея курортной административно-территориальной единицы «Зеленый город» как наиболее проработанная и масштабная послужила прообразом многих современных решений градостроительных планов. Четирем известнейшим архитекторам своего времени — М. Гинзбургу (ОСА), К. Мель-

никову, Д. Фридману (АРУ), Н. Ладовскому (АРУ) — были заказаны проекты «Зеленого города». Важен подзаголовок проекта Н. Ладовского — «Город отдыха и социалистического быта». В закрытом конкурсе участвовали архитекторы, фактически представлявшие «лишь два направления — конструктивизм-функционализм и рационализм, к которому было близко творчество К. Мельникова, не входившего ни в одно объединение» [13, с. 85].

Многочисленные исследования советского конструктивизма делятся на две основные группы с точки зрения оценки природы этого явления: одна рассматривает творчество авангарда и футуризма как основу формирования основных принципов конструктивизма; другая фокусируется на изучении практического опыта советских архитекторов 1920–1930-х годов. Западные исследователи зачастую трактовали российский конструктивизм как антиэстетическое, антиискусственное, возможно, протехнологическое движение левого крыла, возникшее в СССР, однако некоторые его аспекты: неровные, расположенные внахлест диагональные формы, выражение механических элементов — оказались убедительными для сторонников деконструктивизма, особенно для З. Хадид, Р. Колхаса и Д. Либескинда [14, р. 162–163]. При этом если говорить о визуальном дизайне, то мы, скорее, встретим упоминания о работах Л.М. Лисицкого, В.Г. Татлина, А.М. Родченко, отсылки к творчеству которых широко представлены не только в отечественной, но и в зарубежной литературе: тот факт, что большинство первоисточников по советскому авангарду можно было найти только в Советском Союзе, затруднял практику их изучения. В 1962 г. британская исследовательница К. Грей представила советский авангард англоязычным читателям в исследовании «Великий эксперимент: русское искусство, 1863–1922», подробнее об этом см. [15]. Многие зарубежные авторы отказывают представителям советского конструктивизма в самостоятельности и стремятся представить их деятельность как общую стратегию функционализма. Примером этому может служить изданный в 1990 г. каталог «Искусство в жизнь: Русский конструктивизм 1914–1932» [16], в котором развернута

широкая визуальная и аналитическая картина происхождения конструктивизма. Одновременно издание демонстрирует возможности исследовательского сотрудничества российских и западных ученых [15].

Что касается темы нереализованных проектов советских конструктивистов, то чаще всего в литературе затрагивается вопрос о причинах малого количества воплощенных в 1920-х гг. работ, объясняемых сложным социально-экономическим положением СССР. Мы же определяем значение для современного дизайна нереализованных (и конкурсных) проектов как перспективно-каталоговую деятельность советских архитекторов. В современную цифровую эпоху очень непросто представить всю сложность доступа к информации и поисковой деятельности почти столетней давности. В то же время многие исследователи конструктивизма не замечают повседневных сложностей организации формальной делопроизводительной и документационной деятельности, сопровождавшей творческий процесс. Включенность в понимание принципов и параметров советской архитектуры, профессиональная информированность определялись в первую очередь публикациями в журнале «Архитектура СССР»⁴. Худсовет журнала как координирующего центра, в состав которого входили не только представители творческих специальностей, но и экономисты, политработники, сотрудники министерств, определял как художественное значение проектов, так и многие другие аспекты архитектуры и строительства. При этом многие архитекторы неоднократно отмечали, что единого мнения по общей стратегии генерального планирования не было. Нельзя сказать, что проекты рассматривались только с позиции идеологического значения или экономической целесообразности. «Увлеченные космической тематикой Г. Крутиков

и В. Калмыков в 1930-е гг. ушли из области поискового проектирования в практическое русло, первый занимался архитектурой метро, второй — проблемами типового строительства для восточных республик СССР. Архитектурные фантазии Я. Чернихова из световых потоков и парящих в невесомости абстрактных объектов превратились в грандиозные «Дворцы коммунизма» — монументальные и внушительные неоклассические аллюзии 1930-х, созвучные эстетике «сталинского ампира» [18, с. 55]. Творческая установка Я. Чернихова 1930-х гг. строится на сочетании конструктивных начал и движения и может быть определена как «машинная одушевленность», она «предвосхищала устремление дизайнера эстетически осмыслить конструктивно-функциональный процесс» [19, с. 243].

РЕАЛИЗМ ПРОТИВ УТОПИЗМА

Фактически любая постройка как регионального, так и всесоюзного значения в первую очередь связана с проблемами стандартизации продукции и соответствия строительным и архитектурным стандартам. Реализация проектов со временем начала опираться на опыт уже воплощенных проектов. Сложилась определенная специализация — так, Метрострой руководил не только строительством метрополитенов в СССР, но и осуществлял горнопроходческие и геологические работы. Организации могли напрямую возводить комплексы в металлургической промышленности, сельском хозяйстве, электроэнергетике. Каждый проект, не только конкурсный, но и учебный и авторский, рассматривался с различных точек зрения: иногда предполагалась конгломерация отдельных архитекторов и бюро, а также участие в разработке различных строительных управлений и главков. Складывалась система, не характерная для архитектуры и строительства: проект напрямую зависел от исполнителей и контроля качества, ведь те значительные средства, которые вкладывались в его реализацию, идеологическая нагрузка и реновация окружающих районов предполагали грандиозную ответственность

⁴ «Архитектура СССР» — ежемесячный теоретический, научно-практический журнал. Являлся органом Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР и Союза архитекторов СССР. Издавался с июля 1933 по 1 июня 1992: с июля 1933 по июнь 1941 — ежемесячно; в 1942–1947 выходил неперіодично (18 выпусков); с 1948 по октябрь 1951 не издавался; с ноября 1951 вновь выходил ежемесячно [17, с. 21].

всех участников. Можно предположить, что наличие подобной системы стало одним из факторов появления феномена советского конструктивизма эпохи индустриализации СССР. Мышление проектировщика в 1930–1940-х гг. устремляется в сторону конструирования будущего. Осуществляются первые попытки осмысления и анализа процесса проектирования как способа свободного фантазирования, пространственного моделирования, профессионального мышления, необремененного утопическими и социальными обязательствами. Вырабатываются языковые средства для создания образа будущего. «В основе авторского метода архитектора Я.Г. Чернихова лежит новый тип проектирования: от абстрактного к конкретному, процесс формообразования представлен как манипуляция символами, как соединение элементов в комбинации. Черников подчеркивает единство законов формообразования архитектуры, машиностроения и объектов дизайна, фиксирует настоящие и будущие проектные ситуации в знаковой системе» [20, с. 20]. В книге Я.Г. Чернихова «Конструкция архитектурных и машинных форм» (1931) [21] содержится мысль о том, что «архитектура становится искусством с того момента, когда его образы-творения воспринимаются как ценности “художественного порядка”... Пространства и массы, с которыми мы встречаемся почти на всем протяжении истории искусств, необходимо дополнить пониманием их как определенного художественного формообразования» [19, с. 242].

Современная архитектура и дизайн (интерьера, среды, ландшафтный) в плане реализации проектов обладают невероятными возможностями с точки зрения материалов, технологий и обеспечения визуализации творческого процесса. Творческие проекты сочетают возможности всех факторов социального восприятия и аспектизации городского пространства. Архитектура и дизайн в наше время становятся по-настоящему интернациональными и определяются единым стилем. Его условия и сущность выражены в постмодернистском подходе к формообразованию объектов и к образному восприятию. Актуальные принципы формообразования в архитектурном проектировании и концептуальном дизайне не

транслируют напрямую образы и стилистическое решение конструктивистов 1920-х гг., но воплощают их мировоззрение, функциональный подход и понимание социальной функции архитектуры, стремление не только к созданию и выражению новых форм окружающей действительности, но и к изучению принципов классической архитектуры. Они свободно оперируют типами проектирования. Мы можем утверждать, что именно нереализованные проекты советских архитекторов и художников-конструктивистов оказали влияние на современное высокотехнологичное формообразование в строительстве и городском планировании и служат источником вдохновения для выдающихся творческих решений современных российских и зарубежных архитекторов и дизайнеров.

Список источников

1. *Немцова Н.* Архитектура XXI в. [Электронный ресурс] // Партнер. 2007. № 11 (122). URL: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2007/11/240/2647/architektura-xxi-veka> (дата обращения: 01.02.2019).
2. *Honda A.* A New Vision in Architecture: Ivan Leonidov's Architectural Projects between 1927 and 1930 [Электронный ресурс] // WIAS Research Bulletin Issue. 2016. № 8. P. 79–94. URL: <https://www.waseda.jp/inst/wias/assets/uploads/2017/03/RB008-079-094.pdf> (дата обращения: 01.02.2019).
3. *Bellat F.* An Uneasy Metamorphosis: The Afterlife of Constructivism in Stalinist Gardens. Rethinking Marxism. 2017. Vol. 29, № 1. P. 16–41.
4. *Goldstein A.M.* Is Utopia Gone Forever? Anton Ginzburg on the Lessons of the Soviet Art School VKhUTEMAS, and the Future of the Universalist Project [Электронный ресурс] // Artspace Magazine. 2017. Feb. 4. URL: https://www.artspace.com/magazine/interviews_features/qa/anton-ginzburg-interview-54600 (дата обращения: 01.02.2019).
5. *Хан-Магомедов С.О.* Александр Веснин и конструктивизм : живопись, театр, архитектура, рисунок, книжная графика, оформление праздников. Москва : Архитектура-С, 2007. 412 с.
6. *Меерович М.Г., Хмельницкий Д.С.* Иностранцы в борьбе за советскую индустриализацию [Электронный ресурс] //

- Архи.ру : портал. URL: <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569767> (дата обращения: 01.02.2019).
7. Алабян К.С. Задачи советской архитектуры : доклад на I Всес. съезде сов. архитекторов СССР. Москва : Изд-во Всесоюзной акад. архитектуры, 1937. 32 с.
 8. Наши задачи // Архитектура СССР. 1933. № 1. 67 с.
 9. Колейчук В.Ф. Кинетизм : альбом. Москва : Галарт, 1994. 154 с.
 10. Голдбергер П. Зачем нужна архитектура / [пер. с англ.]. Москва : Strelka Press, 2017. 264 с.
 11. Костюк М.А. Стилиевая проблематика творчества Б.М. Иофана : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2004. 26 с.
 12. Салингарос Н.А. Анти-архитектура и деконструкция: триумф нигилизма. Изд. 4-е. Москва ; Екатеринбург : Кабинетный ученый, 2017. 296 с.
 13. Хазанова В.Э. Остались на бумаге... : (неосуществленные проекты советских архитекторов) : очерки. Москва : Гос. ин-т искусствознания, 2002. 239 с.
 14. Curl J.S., Wilson S. Oxford Dictionary of Architecture. Oxford : ford University Press, 1999. 896 p.
 15. Giovannini J. Modern Long Ago: The Comeback of Russian Constructivism // The New York Times. 1990. December 30. P. 7007002.
 16. Art into Life : Russian Constructivism? 1914–1932 / Introduction by R. Andrews and M. Kalinovska ; essays by J. Andel [et al.] ; artist biographies by O.S. Henry. Seattle : Henry art gallery, University of Washington ; New York : Rizzoli, 1990.
 17. Творческая дискуссия Союза советских архитекторов // Архитектура СССР. 1933. № 3–4. С. 4–25.
 18. Бухарова Е.А. Феномен «космической архитектуры» Ивана Леонидова: парковая лестница санатория НКТП им. С. Орджоникидзе в Кисловодске // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. 2011. № 1. С. 54–60. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kosmicheskoy-arhitektury-ivana-leonidova-parkovaya-lestnitsa-sanatoriya-nktp-im-s-ordzhonikidze-v-kislovodske> (дата обращения: 01.02.2019).
 19. Ефимов А. Цвет + форма. Искусство 20–21 веков : живопись, скульптура, инсталляция, лэнд-арт, дигитал-арт : учеб. пособие для студентов. Москва : БуксМАрт, 2014. 615 с.
 20. Червонная М.А. Проектное прогнозирование в дизайне: от идеи к формообразованию : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. Москва, 2014. 30 с.
 21. Чернихов Я.Г. Конструкция архитектурных и машинных форм. [Ленинград] : Ленингр. о-во архитекторов, 1931. 232 с.

Unrealized Architectural Projects of the 1920s: The Value of Constructivism Ideas

Marina V. Galkina

Moscow State Regional University, 24, Very Voloshinoi Str., Mytishchi, Moscow Region, 141021, Russia
 ORCID 0000-0001-6073-1399; SPIN 3712-4512
 E-mail: galkina.marina@gmail.com

Abstract. *The article is devoted to one of the most interesting topics: the ideological heritage of constructivism and evaluation of its value. The novelty of the research is determined by the choice of its subject: unrealized projects of Soviet ar-*

chitects of the 1920s (I.I. Leonidov, K.S. Melnikov, V.A. Vesnin, A.A. Vesnin, L.A. Vesnin and N.A. Ladovsky) as a source of promising ideas for the architecture and design of the late 20th–early 21st century. The paper aims to assess the creative and artistic value of the unrealized projects of Soviet constructivists for the modern architectural design. The main result is the attempt to present a historical and conceptual overview of the origin and features of constructivism and rationalism as trends in urban planning. The 1920s, when the principles and trends in constructivist architecture were formed, became the time of development of a new production and architectural model. The combination of rationalist approach with utopian functionality of most of these projects was the reason for rejection of a truly constructivist trend in Soviet architecture in favor of the “Stalin Empire Style”, and later – de-

constructivism. The problematics of constructivist solutions of the 1920s in the field of urban planning and environmental management largely determined the methodology of architectural space organization of the USSR cities in the 1930s, when the standard of “industry oriented” socialist society became a priority. The author considers theoretical studies and scientific publications about the works of Soviet constructivist architects, gives examples of explicit translation of the principles of constructivism in the 21st century architecture, and makes an assumption about the relationship between the ideological heritage of Soviet constructivists and the artistic and creative process of modern architects and designers (founders of high-tech style R. Piano, N. Foster; deconstructivists F. Gehry, Z. Hadid, D. Libeskind). The article concludes that the constructivist images and stylistics of the analyzed period, though not translated by modern designers and architects “directly”, become the basis for implementation of new conceptual solutions.

Key words: architectural projects, Soviet constructivists, trends, avant-garde, constructivism, deconstructivism, rationalism, modernism, architecture, design, project, reconstruction.

Citation: Galkina M.V. Unrealized Architectural Projects of the 1920s: The Value of Constructivism Ideas, *Observatory of Culture*, 2019, vol. 16, no. 1, pp. 50–61. DOI: 10.25281/2072-3156-2019-16-1-50-61.

References

1. Nemtsova N. Architecture of the 21st Century, *Partner*, 2007, no. 11 (122). Available at: <https://www.partner-inform.de/partner/detail/2007/11/240/2647/arkhitektura-xxi-veka> (accessed 01.02.2019) (in Russ.).
2. Honda A. A New Vision in Architecture: Ivan Leonidov’s Architectural Projects between 1927 and 1930, *WIAS Research Bulletin Issue*, 2016, no. 8, pp. 79–94. Available at: <https://www.waseda.jp/inst/wias/assets/uploads/2017/03/RB008-079-094.pdf> (accessed 01.02.2019).
3. Bellat F. *An Uneasy Metamorphosis: The Afterlife of Constructivism in Stalinist Gardens. Rethinking Marxism*, 2017, vol. 29, no. 1, pp. 16–41.
4. Goldstein A. M.. Is Utopia Gone Forever? Anton Ginzburg on the Lessons of the Soviet Art School VKhUTEMAS, and the Future of the Universal Project, *Artspace Magazine*, 2017, February 4. Available at: https://www.artspace.com/magazine/interviews_features/qa/anton-ginzburg-interview-54600 (accessed 01.02.2019).
5. Khan-Magomedov S.O. *Aleksandr Vesnin i konstruktivizm: zhivopis', teatr, arkhitektura, risunok, knizhnaya grafika, oformlenie prazdnikov* [Aleksandr Vesnin and Constructivism: Painting, Theatre, Architecture, Drawing, Book Graphics, Holiday Decoration]. Moscow, Arkhitektura-S Publ., 2007, 412 p.
6. Meerovich M.G., Khmelnitsky D.S. Foreign Architects Struggling for Soviet Industrialization, *Arkhi.ru: portal*. Available at: <https://archi.ru/lib/publication.html?id=1850569767> (accessed 01.02.2019) (in Russ.).
7. Alabyan K.S. *Zadachi sovetskoi arkhitektury* [Tasks of Soviet Architecture]. Moscow, Vsesoyuznoi Akademii Arkhitektury Publ., 1937, 32 p.
8. Our Tasks, *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1933, no. 1, 67 p. (in Russ.).
9. Koleichuk V.F. *Kinetizm: Al'bom* [Kinetic Art: Album]. Moscow, Galart Publ., 1994, 154 p.
10. Goldberger P. *Why Architecture Matters*. Moscow, Strelka Press Publ., 2017, 264 p. (in Russ.).
11. Kostyuk M.A. *Stilevaya problematika tvorchestva B.M. Iofana* [Stylistic Problematics of B.M. Iofan’s Art], cand. art stud. diss. abstr. Moscow, 2004, 26 p.
12. Salingaros N.A. *Anti-arkhitektura i dekonstruktsiya: triumf nigilizma* [Anti-Architecture and Deconstruction: The Triumph of Nihilism]. Moscow, Yekaterinburg, Kabinetnyi Uchenyi Publ., 2017, 296 p.
13. Khazanova V.E. *Ostalis' na bumage...: (neosushchestvlennye proekty sovetskikh arkhitektorov): ocherki* [Remained on Paper...: (Unrealized Projects of Soviet Architects): essays]. Moscow, Gosudarstvennyi Institut Iskusstvovznaniya Publ., 2002, 239 p.
14. Curl J.S., Wilson S. *Oxford Dictionary of Architecture*. Oxford, Oxford University Press, 1999, 896 p.
15. Giovannini J. Modern Long Ago: The Comeback of Russian Constructivism, *The New York Times*, 1990, December 30, p. 7007002.
16. *Art into Life: Russian Constructivism? 1914–1932*. Seattle, Henry Art Gallery, Univ. of Washington Publ., New York, Rizzoli Publ., 1990.
17. Creative Discussion of the Union of Soviet Architects, *Arkhitektura SSSR* [Architecture of the USSR], 1933, no. 3–4, pp. 4–25 (in Russ.).
18. Bukharova E.A. Cosmic Architecture by Ivan Leonidov: Landscaped Staircase of Narkomtiashprom Sanatorium at Kislovodsk, *Akademicheskii*

vestnik UralNIiproekt RAASN [Academic Bulletin of the UralNIiproekt RAASN], 2011, no. 1, pp. 54–60. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-kosmicheskoy-arhitektury-ivana-leonido-va-parkovaya-lestnitsa-sanatoriya-nktp-im-s-or-dzhonikidze-v-kislovodske> (accessed 01.02.2019) (in Russ.).

19. Efimov A. *Tsvet + forma. Iskusstvo 20–21 vekov: zhivopis', skul'ptura, installyatsiya, lend-art, digital-art: uchebnoe posobie dlya studentov* [Color + Shape. Art of the 20th–21st Centuries: Painting,

Sculpture, Installation, Land Art, Digital Art: text-book for students]. Moscow, BuksMArt Publ., 2014, 615 p.

20. Chervonnaya M.A. *Proektnoe prognozirovanie v dizaine: ot idei k formoobrazovaniyu* [Project Forecasting in Design: From Idea to Shaping], cand. art stud. diss. abstr. Moscow, 2014, 30 p.
21. Chernikhov Ya.G. *Konstruktsiya arkhitekturnykh i mashinnykh form* [Design of Architectural and Machine Forms], Leningradskoe Obshchestvo Arkhitekto-rov Publ., 1931, 232 p.

22–24 ноября 2019 г., Нижний Новгород

II ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

РЕВОЛЮЦИЯ И ЭВОЛЮЦИЯ: МОДЕЛИ РАЗВИТИЯ В НАУКЕ, КУЛЬТУРЕ, СОЦИУМЕ

Актуальная динамика современности выводит на первый план философское переосмысление феномена революции в его самых разнообразных измерениях: социальном, культурном, научном, технологическом, антропологическом. В условиях постоянно меняющихся очертаний современного мира именно анализ революционной модели развития становится ключом к пониманию актуальных трендов и явлений. Революции может быть противопоставлена эволюция как противоположная модель изменений в науке, культуре и обществе. Выбор в рамках этой альтернативы или осмысленный отказ от нее позволяет не только прояснить наличное состояние социального бытия, но и наметить дальнейшие пути его развития.

К участию в конференции приглашаются философы и ученые, студенты и аспиранты, интересующиеся историей, текущим состоянием, перспективами и новыми возможностями развития науки, общества и культуры.

Планируется организация работы следующих секций:

- ◆ Философия науки: историческая перспектива и футурологические прогнозы
- ◆ Новационное развитие и перспективы человека
- ◆ Философия образования: революция и эволюция в образовании
- ◆ Идея революции и эволюции в истории русской философии и культуры
- ◆ Медиареальность: техники коммуникации, техники мышления, техники тела
- ◆ Текст в цифровую эпоху: эстетика и эпистемология
- ◆ Молодежный симпозиум «Конвергенция знаний»

<http://www.philosconf.unn.ru/revolyutsiya-i-evolyutsiya-2019/>